

18+

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ
НАДЕЖДИН

Юл Бриннер. Не только «Семёрка»

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ
О БОЛЬШОМ УСПЕХЕ

Николай Надеждин

**Юл Бриннер. Не только
«Семёрка». Маленькие
рассказы о большом успехе**

«Издательские решения»

Надеждин Н. Я.

Юл Бриннер. Не только «Семёрка». Маленькие рассказы
о большом успехе / Н. Я. Надеждин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-645239-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Юл
Бриннер (или Юлий Борисович Бринер) русский актёр, перебравшийся т
большевиков сначала в Китай, а потом в Америку. Но говорить о его судьбе
мы можем лишь приблизительно — потому что в жизни Юла Бриннера (такой
псевдоним он взял себе чуть позже) много откровенных мистификаций. Во-
первых, он стал актёром далеко не сразу. Сначала он был цирковым артистом,
певцом, а потом уже стал театральным актёром. Финалом этой истории стал
его триумф в кинематографе.

ISBN 978-5-00-645239-8

© Надеждин Н. Я.
© Издательские решения

Содержание

Юл	6
Не только «Семёрка»	7
2024	8
Введение	9
1. Дедушка Жюль	10
2. В родстве с Чингисханом	11
3. Серебряные копии	12
4. Борис Бринер	13
5. Матушка	14
6. Юлий и Вера	15
7. Страна Советов	16
8. Судьба НЭПа	17
9. Без отца	18
10. Бегство в Харбин	19
11. В Париж	20
12. Франция	21
13. Цыгане	22
14. Алеша Дмитриевич	23
15. Первый концерт	24
16. Цирковая арена	25
17. Жан Кокто	26
18. Новые друзья	27
19. Опиум	28
20. На грани	29
21. В Швейцарии	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юл Бриннер. Не только «Семёрка» Маленькие рассказы о большом успехе

Николай Яковлевич Надеждин

© Николай Яковлевич Надеждин, 2024

ISBN 978-5-0064-5239-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай Надеждин

«Маленькие рассказы о большом успехе»

Юл Бриннер

Не только «Семёрка»

2024

Введение

У некоторых специалистов в области театрального и киноискусства имя Юла Бриннера вызывает полное неприятие. И понятно почему. Мюзикл – а самые известные театральные работы Бриннера относятся к этой форме – жанр низкий и для нас, россиян, «зверь» случайный, залётный. Ну, действительно – выходят на сцену взрослые люди, начинают петь. Чёрт знает что...

И потом – разве Бриннер сыграл Гамлета? Или перевоплотился в князя Мышкина? Митя Карамазов? Это случайный эпизод. Его главная роль в кино – Крис Адамс из «Великолепной семёрки».

И вообще, Бриннер – герой боевиков, музыкальных комедий и фантастических фильмов. По этой причине ему отказано в звании интеллигентного психологического актёра. Он – голливудская звезда, икона массовой поп-культуры.

Это как со стихами. Если произведение написано не в рифму, с использованием странных выражений, на эсперанто или задом наперёд – это явление высокого искусства. Если же стихи, упаси бог, запели под музыку – это, пардон, поп-культура.

Критики Бриннера могут говорить, что угодно. Главный судья творчества любого актёра – зритель. А американский, европейский и, что существенно, российский зритель выбрал Бриннера. Именно его, исполнителя роли Криса Адамса из «Великолепной семёрки». И саму «Великолепную семёрку» – вместо «Семи самураев» Кurosавы, что для специалистов-эстетов большое огорчение.

1. Дедушка Жюль

История жизни деда Юла Бриннера выглядит настолько невероятной, что, скорее, похожа на приключенческий роман, чем на реальную судьбу...

В 1865 году 16-летний швейцарец Жюль Бринер (тогда эта фамилия была лишь с одной буквой «н») сбежал из родительского дома в поисках приключений. Нанявшись матросом на некий корабль (по некоторым сведениям, пиратский, хотя это уже слишком – скорее всего, это было обычное торговое судно), Бринер сошёл с него в Иокогаме и обосновался здесь, в Японии. Он устроился клерком в офис богатого английского судовладельца. Талант управленца Жюля Бринера был столь очевиден, что ему удалось стать для хозяина лицом особо доверенным. Умирая, старый англичанин, не имеющий наследников, оставил компанию Жюлю.

Бринер женился, обзавёлся большим домом, детьми. И зажил припеваючи, став одним из тех немногих богатых иностранцев, что осели в Японии.

И всё бы хорошо, да спустя некоторое время, в самом конце XIX века, Жюль Бринер внезапно оставил всё – дом, семью, бизнес – и переселился на дальневосточную базу российского императорского флота. Ликвидировав свою компанию в Японии, он перевёл все капиталы в Россию, купил серебряные копи и обосновался на той самой морской базе, которая в скором времени превратилась в город Владивосток. Таким образом, Бриннер стал одним из основателей этого славного города на дальневосточной окраине великой страны.

2. В родстве с Чингисханом

Что произошло с Жюлем Бринером в те годы, достоверно неизвестно. То ли не сложилось с женой (а у Бринеров уже были дети), то ли надоела Япония, но он остался в России. Здесь, во Владивостоке, он познакомился с молодой женщиной – Наталией Куркутовой. Она была буряткой по национальности (именно от бабушки Юлу достались слегка раскосые глаза, придававшие ему азиатский шарм). Любовь, надо полагать, была нешуточной, ибо Жюль совсем забыл и о своей первой супруге, и о детях. Зато в браке с Наталией у Бринеров родилось шестеро детей – три девочки и трое мальчиков.

В жизни Юла особую роль сыграла лишь одна из тётушек – Вера, которая в двадцатые годы покинула Россию и вернулась на историческую родину в Швейцарию. О взаимоотношениях же Юла с другой родней известно очень немного. С одними дядьями и тётушками он был более-менее близок, с другими почти не общался. Причиной тому стали времена. Каждому приходилось выживать и заботиться о себе самому. В двадцатые годы вырваться из «советского рая» удалось всем Бринерам. Но все они потеряли то, что оставил им дед Юла – серебряные прииски. Некогда знатное семейство превратилось в обычных эмигрантов, у которых из всего богатства осталось лишь... швейцарское гражданство, дающее защиту в трудных жизненных обстоятельствах...

Любопытно, что сам Жюль Бринер, ставший в России Юлием Ивановичем (поскольку его отца, прадеда Юла, звали Жаном), утверждал, что Наталия Куркута является... прямой родственницей Чингисхана. В семье Юла эту легенду сомнению никогда не подвергали.

3. Серебряные копи

Несмотря на то, что вскоре после революции и кратковременного расцвета НЭПа в России Бринеры серебряные копи потеряли, они, эти прииски, сыграли в жизни семьи судьбоносную роль. Дело в том, что Юлий Иванович к своему бизнесу относился весьма и весьма серьёзно. А потому направил сыновей учиться в Петербургский университет. Юлий Иванович хотел, чтобы Леонид, Борис и Феликс стали горными инженерами и управляли предприятием на научной основе.

Борис Юльевич Бринер, как и старший брат Леонид (младший последовал за братьями позже), на пять лет отправился в Петербург изучать горное дело. Человеком он был ещё совсем молодым, а потому вскоре произошло то, что не могло не произойти – Борис влюбился. Его избранницей стала Мария Благовидова, землячка, родившаяся во Владивостоке в семье врача и приехавшая в Санкт-Петербург, как и Борис, учиться.

В 1914 году Борис и Маруся (так звали матушку Марию и дети, и супруг) стали мужем и женой. Закончив учёбу, они вернулись во Владивосток. Борис занял на семейном предприятии место инженера-геолога, специалиста по минералам, а Маруся, ждавшая ребенка, стала домохозяйкой.

Вскоре на свет появилась девочка, которой дали имя Вера, в честь одной из сестер Бориса Юльевича. А спустя два года, 11 июля 1920 года, на свет появился мальчик, которого в честь деда называли Юлием.

4. Борис Бринер

Гены, передающиеся от отца сыну, а от сына внуку, вещь абсолютно реальная. И дети наши очень часто повторяют судьбу отцов... Пришло время, и Борис Юльевич оставил Марию с двумя детьми и ушел к другой женщине. Более того, спасаясь из Страны Советов, он уехал в Китай с новой супругой, совершенно забыв о прежней семье. Матушке Марии пришлось самой заботиться о Вере и Юле (она переехала в Харбин следом за бывшим супругом).

Был ли Борис Юльевич человеком авантюрного склада? Возможно, но не в такой степени, как Жюль Бринер. Он больше не разбогател, не прославился, не стал основателем города и большой компании. Он так и умер в относительной неизвестности (в относительной – потому что был всё-таки отцом самого Юла Бриннера).

Как повлияло на отношения отца и сына «предательство» Бориса. Как это ни странно, почти никак. Дело в том, что Борис Юльевич не переставал заботиться о детях. И Юлий (в отличие от сестры Веры) пусть и отчасти, но всё же понимал отца. Более того, Юлий даже сдружился с его второй супругой Екатериной Корнаковой, театральной актрисой. Именно Корнакова пробудила в Юлии интерес к театру. Именно она соблазнила его театральной карьерой и посоветовала отыскать Михаила Чехова – лучшего, по её мнению, театрального педагога того времени. К слову, Станиславского Екатерина Корнакова не любила. И это отношение тоже передалось Юлию. Он тоже говорил о Станиславском с некоторым пренебрежением.

5. Матушка

А что матушка Юлия и Веры? Эта женщина, Мария Бринер (она не отказалась от фамилии бывшего супруга и после развода с ним), тянула детей столько, сколько смогла. Муж оставил их, когда Вера и Юлий были ещё подростками. Но Вера стала известной оперной певицей, звездой нью-йоркской сцены. Юлий – знаменитым театральным и киноактером (этого матушка, к сожалению, уже не увидела). И заслуга в том, прежде всего, матушки Марии.

Юлий, как и его отец, всю жизнь называл матушку ласково, очень по-русски – Маруся. И был с матерью очень близок. В 1940 году, когда Мария тяжело заболела, Юлий круто изменил свою жизнь – он повез матушку в Америку в попытке вылечить ее. Но от рака крови лекарств не существует. Юлий работал, как проклятый – водителем грузовика, подсобным рабочим в театре, исполнителем эпизодических ролей, ведущим радиопрограмм французской службы «Голоса Америки». Денег хватало лишь на лекарства и поддержание жизни в стремительно тающем теле матушки. И... не уберег. Не удержал на этом свете. И всю жизнь корил себя за то, что не спас матушку от смерти.

Юл Бриннер, человек, безусловно, талантливый, но непредсказуемый, импульсивный, даже капризный, был еще и человеком долга. При желании его можно обвинить в самых разных прегрешениях (а кто из нас не грешен?), но только не в пренебрежении к матери. Он был хорошим сыном. И просто – хорошим человеком.

6. Юлий и Вера

Когда-то у Юла Бриннера спросили о женщинах, которых он в своей жизни любил. И первой из них Юл назвал свою сестру Веру...

Нет, это был совершенно безгрешный, детский и безответный роман. Юлий был еще совсем ребенком. Но на старшую сестру всегда смотрел с обожанием. Она для него была и примером, и учителем, и советчицей.

Он никогда не признавался Вере в своих чувствах. При том воспитании, что они получили, об этом не могло быть и речи (у мальчишки и мыслей-то никаких не было на ее счёт). Но он ее любил – больше, чем родственницу, больше, чем сестру.

Пробивая свою дорогу в Америке, Юл старался не упускать Веру из виду. А она, закончив обучение музыке в харбинской школе УМСА, переехала в Нью-Йорк, сделала карьеру оперной певицы, а потом занялась преподавательской деятельностью... Что ни говори, а дети у Бориса и Марии Бринеров были безусловно талантливы. Как, впрочем, были талантливы и их родители...

Оглядываясь на биографию знаменитого артиста, постоянно ловишь себя на мысли – а что было бы, если бы Бринеры никуда не уехали? История не терпит сослагательного наклонения, но... всё же? Скорее всего, их судьба была бы незавидной. Отец непременно был бы репрессирован и сгинул бы в сталинских лагерях, как «агент иностранных разведок» и «опасный социальный элемент». Юлия ждала бы в лучшем случае советское театральное училище, карьера в провинциальном театре. Возможно, он даже стал бы артистом какого-нибудь столичного театра – в Москве или в Ленинграде. Да, только вот Юлом Бриннером он бы ни стал никогда.

7. Страна Советов

Около 1923 года Борис Бринер принял советское гражданство. Как это ни удивительно, но все семейство Бринеров (тетка и дядя Юлия) были швейцарскими подданными. Это облегчало выезд за границу, пусть и условно, но всё же оберегало их от преследования новых властей. Но жить в Советской России и тем более трудиться швейцарским гражданам было очень непросто.

Отказ от гражданства Швейцарии (а двойного гражданства Советская Россия не признавала) был шагом вынужденным. Бориса Юльевича попросту вызвали, «куда надо», и весьма доходчиво объяснили, что ему следует делать. Последовало заявление и... Бринеры стали советскими подданными.

Это был не просто добровольный отказ от возможности выезда за границу. Это был первый звонок, тревожный сигнал. Отныне чекисты, которые и так не особенно церемонились с иностранцами, могли уничтожить и самого Бориса, и любого из членов семейства Бринеров.

К слову – гражданство Швейцарии было потом восстановлено. В отличие от советских властей, властям Швейцарии было достаточно объяснений причин, по которым Бринеры отказались от паспорта исторической родины. Но тогда, в начале двадцатых, Борис Бринер полагал, что отказывается от швейцарского гражданства бесповоротно, навсегда...

У Бориса Юльевича было ощущение, словно за ним захлопнулась дверь тюремной камеры. Нет, он был еще свободен и даже благополучен. У него не реквизируют часть семейного предприятия, принадлежавшую ему. Он по-прежнему работал горным инженером. Часто выезжал в командировки. И постоянно мучительно обдумывал дальнейшее бытие. Ясно, что нужно уезжать – всё бросив и не оглядываясь назад. Но... как это сделать?

8. Судьба НЭПа

Короткая и яркая эпоха НЭПа (новой экономической политики, объявленной Лениным) была временем бурного расцвета экономики, закончившимся внезапно и трагически. Для Бориса Юльевича, человека умного и всё понимающего, не было секретом то, что рано или поздно экономической вольнице придёт конец. Он хорошо помнил реквизиции времен гражданской войны. Судьбы уничтоженных большевистским режимом семей. Разорение компаний и уничтожение интеллектуальной элиты России. Гибель Бринеров, по его мнению, была делом времени. Но... как? Как бежать? Как выехать из Страны Советов со всей семьёй?

Еще работали серебряные копи. Родственники Бориса продолжали участвовать в управлении семейным предприятием, хотя, уже никто не заблуждался – скоро всё рухнет. И прииски Бринеров станут «собственностью советского народа». И хотя на руках у Бориса был спасительный договор с советской властью (сохранение собственности в обмен на советское гражданство), он понимал, что дни НЭПа сочтены...

В 1924 году Борис Юльевич отправился в очередную командировку в Москву. Это была самая рядовая поездка, с тем лишь отличием, что добираться из Владивостока пришлось почти две недели и по разрушенной революцией и войной стране.

В Москве Борис совершенно случайно познакомился с супругой известного уже в те годы артиста Алексея Дикого (впереди у которого была общероссийская слава) Екатериной Корнаковой. Артистка МХАТа, очень талантливая молодая женщина вскружила голову горному инженеру из далекой глубинки. Хотя... что значит «вскружила»? Это была самая настоящая любовь.

9. Без отца

Он провел в Москве около двух месяцев. Два месяца длился и это, казалось бы, безнадежный роман с чужой женой. Нервные встречи в гостиничном номере. Разговоры свистящим шёпотом в ночи. Тревога, волнение, страсть...

Решение пришло неожиданно. Они сбегут. Он – от Марии, она – от Алексея. И вместе – из этой обезумевшей страны.

Выехать в Китай (а Бринер наметил именно это направление) без семей было гораздо проще. Во-первых, никто не знал, в каких отношениях состоят Борис и Екатерина. Во-вторых, они оставляли, по сути, в заложниках собственные семьи. Наконец, ему было достаточно просто убедить начальство в необходимости командировки в Китай по надуманному, разумеется, поводу.

Дело удалось провернуть на удивление легко. Борису доверяли, а потому командировку (на неделю) оформили моментально. Тут же пользуясь своим положением и влиянием он оформил документы на Екатерину, представив ее своей помощницей.

Уже из поезда, по дороге в Китай, Борис Юльевич написал жене, опустив конверт на какой-то крошечной станции. Он очень надеялся, что Маруся последует его настоящему совету и тоже постарается вывезти детей в Харбин. Что будет дальше, он не думал. Главное – вырваться из этой страны.

В их багаже было очень мало вещей. Все драгоценности, которые могли бы помочь им выжить в первое время, они надели на себя, спрятав их под нижним бельём. Рисковали? Ещё как. Но всё обошлось...

10. Бегство в Харбин

Получив совершенно неожиданное письмо от Бориса, в котором было сразу всё – и признание в том, что он уходит из семьи, и настоятельная просьба бросить всё и постараться выехать с детьми в Харбин, и советы, как это лучше сделать, что с собой взять, Мария Бриннер на несколько минут впала в оцепенение. Что угодно, но только не это... Остаться одной с двумя детьми, без помощи и защиты...

Но потом она собралась и принялась лихорадочно искать выход. В конце концов махнула рукой и решила действовать прямолинейно. Отправилась во владивостокский совет, дождалась приема у начальства и заявила прямо – мол, мне нужно срочно выехать, чтобы пристроить детей в хорошую школу. У дочери явный талант к пению. Вот справка, вот еще одна справка. Муж где? В командировке в Москве. В каком-то наркомате... Вот, пожалуйста, справка.

У нее было полно самых разных справок. И она... получила разрешение на выезд, визу и билет на поезд. И уже через день сошла на вокзале в Харбине, не веря собственной удаче...

Да, так случилось. Те, кто не держался за капиталы, дома, имущество, кто находил в себе силы сосредоточиться на главном – спасении жизни детей и своего собственного будущего, выживали. Уезжали, чтобы начать новую жизнь. Устраивались за границей, как могли. Нищие, несчастные, лишённые родины, но... живые.

Мария сняла жилье и принялась разыскивать Бориса. И нашла. Сцен бывшие супруги устраивать не стали.

11. В Париж

Жилось им, конечно, непросто. Мария учительствовала, Борис устроился горным инженером. Он помогал оставленным детям, хотя, денег не хватало и им с Екатериной. Вот так, потихоньку, приспосабливались они к новым обстоятельствам, к новым людям. Благо в Харбине тех лет было полно эмигрантов из России.

Юлий и Вера были устроены в самую лучшую школу Дальнего Востока – в ту самую международную YMCA. Вера закончила курс вокала. Юл продолжал учиться (и, забегая вперёд, скажем – не доучился, бросил). Затем старшая сестра уехала в Париж, затем, спустя несколько лет, в Нью-Йорк, получив приглашение из театра. Там она продолжила учёбу.

А Юлий? В 1935 году он запросился в Швейцарию – к тётушке Вере (в честь которой и была названа сестра). Попросил у отца денег на дорогу. Тот, разумеется, дал. Денег было немного, а путь предстоял дальний – морем через два океана и одно море. А потом по Европе на перекладных. Но все же они отпустили сына. Мария очень переживала – мальчик был еще так юн. Но Борис пообещал, что Вера о нём позаботится. И в Европе у мальчишки будет гораздо больше возможностей, чем здесь, в чужом Китае...

Если бы только они знали, куда он собирается. Вовсе не в Лозанну, а в... Париж.

Весной 1935 года Юлий Бринер, мальчишка неполных пятнадцати лет, поднялся на борт торгового судна, следующего в Европу. И покинул своих родителей на долгие четыре года. Перед ним простиралась новая, совершенно неизвестная жизнь. Юлий был таким же авантюристом, как и его знаменитый дед.

12. Франция

Его путь в Париж – настоящее головокружительное приключение. Едва ступив на землю после долгого плавания на пароходе, Юлий тут же исчез из вида людей, которых родители попросили присматривать за мальчишкой. Они ехали в Швейцарию и согласились довести Юлия до Лозанны, чтобы передать тётушке Вере. Но какое там – он улизнул еще в порту, прихватив свой чемоданишко и даже не попрощавшись.

Добраться до Парижа оказалось делом пустяковым. Французский Юлий знал с детства – на этом языке говорил отец и все его родственники, поскольку считали, что обязаны знать язык деда, уроженца франкоговорящего кантона. В кармане было несколько франков, так что место в вагоне третьего класса он занял без проблем. Но вот в самом Париже...

Он спал, где попало. Как попало питался. Пережил потерю всех вещей – его чемодан умыкнули клошары, пока Юлий отрешенно бродил по улицам «столицы мира». Деньги быстро закончились. Он попытался устроиться на работу, но его, подростка, никуда не брали. Несколько дней он кантовался на рынке, пропитавшись запахом рыбы. Потом ворочал мешки на железнодорожном складе. Подметал улицу. Носил почту. Не выдержал, отыскал сестру и некоторое время жил у нее. И наконец, устроился в небольшой ресторанчик на Монмартре.

Это был русский ресторан «Эрмитаж», который держали эмигранты. Швейцаром здесь был бывший полковник русской армии. Официантами – бывшие офицеры Белой армии. По вечерам на сцене пели и плясали цыгане.

Юлию доверили мыть посуду – за ужин и койку в подсобном помещении. Он был счастлив.

13. Цыгане

Это были самые настоящие цыгане – из России, сбежавшие от большевиков во время гражданской войны. Днём, когда им не приходилось выступать, они были похожи на обычных французов. Такие же смугловатые, такие же тихие. Вечером же, когда ресторан был забит посетителями, цыгане преображались. Малиновые рубахи, тонкие лаковые сапоги, жгучие кудри. В руках гитары. Щемящий пронзительный распев. И... песня, которая кружила голову...

Юлий (сейчас его звали Жюлем – как деда) вдруг вспомнил, что он и сам умеет петь. И не только петь, но и играть на гитаре и танцевать. Всему этому он был благодарен сестре Вере. Пока она училась в лицее, осваивая азы музыкального мастерства, он проходил с ней тот же курс добровольно. Вместе с Верой он читал ноты и осваивал сольфеджио, вместе с ней разучивал песни и несложные арии. Он, вообще, был музыкально одаренным человеком, чему свидетельством музыкальный альбом «Цыгане и я» 1967 года, записанный Юлом Бриннером вот с этими людьми, к которым тогда, в начале июня 1935 года, он только присматривался.

Заметив, что юный «поваренок» слушает цыганские распевы, выглядывая из кухни, младший из цыган (а это было семейство – четыре брата и две сестры) подошел к нему и спросил:

– Ты откуда будешь?

Он спросил по-русски, что поразило Юлия, который в Париже старался говорить только по-французски.

– Из Владивостока, – растерялся Бринер.

– Мама дорогая! – воскликнул цыган. – Так и мы оттуда!

14. Алёша Дмитриевич

Это был настоящий подарок судьбы. Звали этого человека Алёша Дмитриевич. Он был настоящим русским цыганом и, как выяснилось, «земляком» Юлия – жил во Владивостоке, затем по скорбному эмигрантскому пути перебрался с семьёй в Харбин, оттуда проехал по всему Востоку, в Грецию, Марокко, Испанию. А сейчас вот остановился в Париже. Алёша и его семья были очень известным в эмигрантской среде цыганским ансамблем. Сам Алёша танцевал и играл на гитаре (тогда он ещё не пел).

– А ты что-нибудь умеешь? – спросил Дмитриевич у застеснявшегося Юлия.

Тот пожал плечами:

– Не знаю.

Алёша протянул ему гитару. Выступление только что закончилось. Ресторан закрывался. Зал опустел.

Это была русская семиструнная гитара. Юлий перебрал струны, издавшие стройный жалобный звук. Задумался. Потом запел.

У него был чистый мальчишечий голос, который только начал ломаться. Потом это будет замечательный (хотя и не очень сильный) баритон, признаки которого, как молодые усики, уже пробивались.

Алёша заслушался. Юлий пел «Степь да степь кругом». Возле Юлия собралась вся семья Дмитриевичей.

– Что скажете? – спросил Алёша, оглядываясь на старших братьев.

– А что тут говорить? – ответил один из них. – Танцевать умеешь?

Юлий оборвал песню. Посмотрел на Алёшу. Покраснел. Потом кивнул.

– Тогда завтра утром на репетицию, – сказал Алёша Дмитриевич.

И жизнь Бринера резко изменилась.

15. Первый концерт

В тот вечер он оставил кухню ресторана «Эрмитаж», чтобы никогда не вернуться к грязным тарелкам. Более того, когда Алёша узнал, что Бринеру негде, по сути, жить, он забрал его с собой. И первая репетиция началась для Юлия, действительно, утром – в десять часов, едва семейство Дмитриевичей проснулось и позавтракало. С ними за одним столом сидел и Юлий – Алёша и слышать не хотел, чтобы его новый подопечный стеснялся, увиливал от общего стола и, вообще, считал этот завтрак каким-то там одолжением.

– Артист не может быть голодным, – сказал он.

И это был один из первых уроков жизни и ремесла, полученных Бринером. Он попал в настоящее артистическое братство. И до конца дней благодарил судьбу за этот роскошный подарок.

Юлий оказался способным учеником. Спустя неделю, 15 июня 1935 года, в том же ресторане «Эрмитаж» он впервые поднялся на сцену в составе цыганского ансамбля Алёши Дмитриевича. Юлий пел, играл на гитаре, танцевал. Он был абсолютно неотличим от настоящих цыган. Завивающиеся темные волосы, слегка подведённые (артистический грим) глаза и, главное, голос, манера исполнения.

Вместе с Дмитриевичем Бринер в то лето выступал в самых разных ресторанах и кабачках. У него, наконец, появились деньги. Он уже мог заплатить за ужин сам, мог одеть себя и снять номер в гостинице. А еще он очень быстро рос. И скоро в свои пятнадцать выглядел, как восемнадцатилетний молодой человек. Никто из зрителей не сказал бы, что перед ним выступает, по сути, совсем еще ребенок.

16. Цирковая арена

А потом содружество цыган и Юлия распалось. Это произошло без особого драматизма. Просто у Дмитриевича были свои планы, а у Бринера свои. Они расстались друзьями, чтобы на протяжении жизни встречаться и выступать еще много раз...

Поздней весной 1936 года Юлий оказался в Нормандии. Он устроился спасателем на пляж Гавра и провёл здесь целое лето. Денег ему платили немного, но зато он не тратился на жильё – спал прямо в спасательной будке. А провизия в это время была очень дешевой. Юлий заметно «отъелся» и окреп. Он, вообще, был крепок от природы. Мускулистый, широкий в кости, сильный и при этом очень гибкий.

А еще он был очень красив. Бабушка-бурятка подарила ему чуть раскосые глаза и характерный овал лица, который мы, зрители его фильмов, так любим. И не только мы – на юного Бринера стали обращать внимание девушки...

Одна из его подружек и привела Юлия в цирк, приехавший в Гавр с гастроями. Бринер сходил на одно представление, на второе (благо платить за вход ему не требовалось). И... попросился в труппу.

Его взяли воздушным гимнастом. Как оказалось, он проделывал на трапеции настоящие чудеса. Опасно? Очень опасно. Почти два года судьба хранила его от неприятностей. А потом случилось несчастье. При выполнении привычного номера (без страховки, провинциальный бродячий цирк не мог позволить себе роскошь обзавестись профессиональным реквизитом) Юлий сорвался с трапеции и рухнул с восьмиметровой высоты на стопку монтажных труб. Спинай.

17. Жан Кокто

О, это было ужасно... Бринер переломал себе кучу рёбер и выбил несколько позвонков. Неделю он лежал без движения. В больнице Гавра, куда его тут же отвезли, он лежал в общей палате для бедных и не мог пошевелиться. Его навещали только девушки из цирка. Но очень скоро перестали ходить и они. Кому нужен молодой инвалид? Только самому себе...

Боли были дикие. И Бринеру стали давать в качестве обезболивающего опиум. Известно, о чём думали врачи и думали ли вообще, но юный циркач моментально «подсел» на наркотик. В курс терапии входили весьма болезненные упражнения на восстановление подвижности конечностей и гибкости позвоночника. Боли Бринер утихомиривал всё большими дозами опиума, который в этой больнице, похоже, применялся как лекарство от множества болезней.

Поправившись и выйдя из больницы, Юлий снова отправился в цирк, но там, напуганные несчастьем, ему отказали. Талантливый акробат для цирка находка, несчастливый акробат – как бомба замедленного действия. Рано или поздно всё равно разобьется...

Он снова перебивался случайными заработками. Но на этот раз денег требовалось больше. Отлучённый от госпитальных доз опиума, Юлий мог купить наркотик только у матросов в порту. Он поджидал суда, прибывающие из Юго-Восточной Азии, и торговался с матросами, пытаясь сбить цену.

Однажды в порт Гавра прибыл сухогруз из Вьетнама. Бринер потерянно отирался на причале, когда к нему подошел человек с пронзительными глазами и... предложил немного опиума просто так, без денег. Похоже, он прекрасно знал, что такое ломка.

Это был Жан Кокто.

18. Новые друзья

Кто во Франции конца тридцатых годов не знал Жана Кокто? Бринер прекрасно знал. И когда робко поинтересовался – не тот ли это самый Кокто, тот засмеялся и ответил:

– Понятия не имею, чем обязан такой чести. Вы первый на французской земле, кто меня узнал...

Они быстро подружились. И когда Жан выяснил, что Бринера в Гавре ничего, в общем-то, не держит, он предложил ему отправиться в Париж.

В Париж, так в Париж. Поздней осенью 1937 года Бринер вернулся в свой любимый город. И на этот раз он увидел совсем другой Париж.

Кокто, всегда находившийся в самом центре артистической и художественной жизни, познакомил Юлия с множеством замечательных людей. Первый из них – молодой актер, а в прошлом художник Жан Маре. Поговаривали, что Маре и Кокто состояли в интимной связи. Бринер не смог бы развеять эти слухи – наблюдая отношения двух Жанов он был убеждён, что это нечто большее, чем дружба.

Потом были Марсель Марсо и набирающие славу испанские художники, живущие в это время в Париже – сюрреалист Сальвадор Дали и кубист Пабло Пикассо. Люди очень талантливые и столь же странные.

Это знакомство было чертовски интересно и... мучительно. Что он мог им предъявить? Что? Он даже не знал, чем хочет заниматься (об актерской профессии он в ту пору даже не задумывался). А курить опиум он мог и без них. Так, во всяком случае, он не испытывал угрызений совести, когда новые друзья покупали ему очередную порцию наркотика.

19. Опиум

В своём пристрастии к опиуму Юлий опускался всё ниже и ниже. Он обошел все парижские притоны, где можно было купить по дешёвке зелье. Просыпался в обществе парижских проституток, лиц которых не мог запомнить. Не гнушался попрошайничать – когда деньги заканчивались. И в самом крайнем случае шёл с поклоном к сестре.

Вере Бринер в ту пору досталось не меньше, чем Юлу – прежде всего из-за пагубного пристрастия брата. Он нежно любил сестру, но и она души в нём не чаяла. О, она бы отдала многое, чтобы прекратить эту ужасную привязанность брата к опиуму. Вера уговаривала Юлия, увещевала, пугала. Наконец, она написала матушке, чтобы та приехала и помогла Юлию избавиться от наркотической зависимости. Матушка ответила, что выезжает. Но ситуация была такова, что раньше, чем через два месяца, она в Европу не поспеет. А Бринер тем временем угасал.

Он совсем перестал за собой следить. Мучился ужасными головными болями. Не мог ни есть, ни пить, ни спать. Доза, еще доза – короткое сладостное забытие. И на следующий день все повторялось...

В отчаянии Вера отправилась к Жану Кокто. Тот лишь руками развёл. Он сам был опытным курильщиком опиума, но даже не предполагал, что у Жюля возникнет столь стойкая привязанность. Сам Кокто считал, что может избавиться от этой привычки в любой момент – самое распространённое заблуждение наркомана.

20. На грани

Вере удалось уговорить брата посетить врача-нарколога. Диагноз был похож на приговор – тяжелая форма зависимости. Молодой организм сильно разрушен. При таком развитии событий жить месяце Бринеру от силы год, хотя, скорее, всего лишь... полгода.

И Юлий испугался. Сильно испугался. Жизнь утекала, словно песок сквозь пальцы. А он еще ничего не сделал, ничего не испытал. И жить-то только начал... каково умирать в восемнадцать лет?

Под Рождество 1937 года Вера собрала деньги, посадила брата на поезд, уходящий из Парижа в Лозанну. И отправила его к тётушке Вере, своей тёзке. Там Юлия ждала тётушка, двоюродная сестра Ирэн и... матушка Маруся.

В Швейцарию он прибыл совершенно разбитым. Слава богу, на границе его не подвергли досмотру – с собой Бринер вёз солидный запас опиума. Вместо того, чтобы отыскать на вокзале встречающую его тётушку и мать, Юлий убежал с перрона, закрылся в вокзальном туалете и вышел оттуда уже в «приподнятом настроении». Увидев его, матушка Маруся всплеснула руками и заплакала.

В тот же вечер в дом тётушки Веры явился вызванный ею доктор. Он осмотрел находящегося в полной прострации Юлию и сказал:

- Ну что же, будем вас, сударь, лечить.
 - Это возможно? – спросил Юлий, бессмысленно улыбаясь.
 - Всё в этой жизни возможно, – философски ответил старик.
- Это был очень хороший доктор. Русский, из эмигрантов.

21. В Швейцарии

Лечение заняло почти год. Год Юлий и матушка Маруся жили в Лозанне в доме у тётушки Веры (сестры отца Юлия). Год за непутевым братцем ухаживала двоюродная сестра Ирэн. Год Юлий находился между болезнью и здоровьем. Это неустойчивое состояние обошлось ему достаточно дорого – он постоянно срывался, мучился от бесконечных ломок, принимал огромное количество лекарств, едва ни разорив тётушку, которая взяла на себя все расходы.

Но, в конечном счёте, все зависит от самого человека. Хочешь избавиться от наркотиков – избавишься обязательно. А Бринер не просто хотел – он мечтал начать жизнь полноценного, здорового человека.

Первая драма в жизни молодого Юлия Бринера закончилась его победой. Победой тяжелой, многотрудной, но всё же окончательной и бесповоротной. Он больше никогда в жизни не прикасался к наркотикам, ни к «лёгким», ни к «тяжелым». Более того, эта история с наркотиками заставила Юла (в его взрослой жизни, когда он стал актёром Бриннером) осторожно обращаться с алкоголем. Зная, что попасть в зависимость от спиртного ничуть не сложнее, чем от наркотиков, он старался не злоупотреблять напитками (хотя, выпить любил).

Единственное пристрастие, которое ему долго не удавалось преодолеть, курение табака. Начав курить лет в пятнадцать, Юл курил до пятидесяти. Курил очень много – до шестидесяти сигарет в день. Это его в конце концов и погубило – спустя пятнадцать лет после того, как он выкурил последнюю сигарету... Судьба...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.